

Тупикин Влад. Устный доклад про Стаса и Настю

Мы со Стасом познакомились в очень давнем году, в разбросе между 1990-м и 1992-м. Мне почему-то кажется, что еще Советский Союз не почил в тот момент.

Первичный бульон

Стас выделялся тем, что был он приятный человек. В нашем общественном движении разные есть люди. Не буду утомлять вас перечнем разных неприятных фамилий, ну, хлыщи какие-то есть. А Стас был такой человек, с которым хотелось познакомиться. Я знал, что он социал-демократ и с моей стороны поэтому к нему была не то что ирония, но... В конце 80-х была такая дружба тире конкуренция между неформалами. С одной стороны, там была КПСС как общий враг, лозунги «долой 6-ю статью»¹, а с другой стороны...

1 Требование отмены 6-й статьи Конституции СССР, закреплявшей «руководящую и направляющую роль Коммунистической партии Советского Союза», было основным на первых массовых митингах времен Перестройки.

Стас был левый социал-демократ, и одно время за ним даже закрепилось прозвище Стас-ЛСД. Он и сам иногда так представлялся. Но это прозвище держалось недолго, Стас менялся. Но неизменным в нем оставалось то, что он был приятен в общении, всегда шутил, улыбался.

В движении было большое количество людей, молодых и совсем молодых, с каждым подробно поговорить было невозможно. У меня таких знакомых было несколько десятков. Так, перебрасывались словами на «Кропоткинской», где самиздат продавали по воскресеньям, еще где-то встречались. Собраний в те годы было ровно по дням недели: семь дней недели – семь собраний. Или больше даже. И на каждом было такое фрагментарное общение, о котором Утэ Вайнманн рассказывала, говоря про «Антикап-2008». Вроде и перемолвились, но там было еще 100 человек, все подходили и отвлекали. Подобное же общение было характерным для общественного движения в годы поздней перестройки. Потому не удивительно, что выделять Стаса из толпы я начал уже после сандружины, о которой многие вспоминают. То есть именно осенью 1993 года, во время трагических событий на улицах Москвы я заметил его по-настоящему.

Хиппи на передовой

Мне осенью 93-го не нравилась ни та, ни другая сторона конфликта. Извечное русское противоречие «с кем быть» я решил известным русским способом: начал пить. У меня был

день рождения 20 числа, а 21-го, когда Ельцин объявил Указ 1400 – я еще не протрезвел. Мы смотрели по телевизору на этого осоловевшего Ельцина, и сами такие же осоловевшие были. А насмотревшись, немедленно сгоняли в киоск, и я дальше почти и не просыхал до самого 3 октября... Когда уже пришлось просохнуть.

А другие люди, оказывается, поняли, что дело плохо и что, неровен час, придется помогать раненым, они создали сандружину и взялись помогать. Здесь присутствуют многие из этой дружины: Оля, Петя, Ярослав – а вот Стаса, к сожалению, нет.

Я тогда еще присвистнул про себя: вот это да! Вот это Маркелов дает! Волосатый, а туда же! В дружине были и другие совсем молодые ребята, в том числе панки, я смотрел на них и удивлялся, как только смелости у них хватило?!

Ну, Маркелов же был такой хиппи поначалу. Длинные волосы, хайратничек на голове, растянутый невзрачный свитер. Он всех и веселил, и сам выглядел немножко смешно. Мы же, наоборот, тогда выглядели немножко потертыми, но с претензией на солидность. Я костюм тогда, бывало, надевал совершенно всерьез. У меня была борода и усы (усы я обкусывал, когда нервничал). А как дошло до дела...

Насколько Маркелов упертый в хорошем смысле слова, я понял позднее, во всяких палаточных лагерях. Например, в Прямухино на восстановлении усадьбы Бакунина, в 1995-м или в 1996 году, известная история, когда мы остались там без денег и без еды. И Стас ради физического выживания отряда организовал экспедицию за грибами и ягодами. Они ушли рано утром вчетвером, а вернулись затемно. И принесли огромное количество грибов, этого нам как раз хватило на три дня, пока деньги не приехали.

Эколог, ходок

Еще одна история связана с Волгодонским антиатомным палаточным лагерем 1996 года, когда на нас напали ОМОНовцы, охранявшие атомную станцию и побывавшие уже перед тем в Чечне. Они сделали нам такую маленькую «зачистку-фильтрацию». Всех молодых людей избили, всех обыскали, палатки тоже обыскали, фото-видеотехнику украли, какие-то ценные вещи украли... Там и другие были напряженные моменты. Обо всем этом надо было сообщать нашим сторонникам в город. Мобильников тогда еще не было, лагерь был в 13 км от городской черты, непосредственно у самой станции, которая тогда еще не была запущена, и в 15 км от дома, где жила Резникова, главная местная антиатомщица, которая нас туда и позвала выступить против АЭС.

Это была такая сухонькая южная старушка, которая то ли еще не поседела, то ли волосы красила. Натянутая как струна, она была с какими-то своими убеждениями, придерживалась вегетарианства. Помню, что у нее постоянно на плите стояло несколько кастрюль с овощным рагу, которым она кормила всех голодных активистов. И долговязый Маркелов, когда нужно было какую-то весточку передать ей из лагеря, оказывался первым кандидатом, чтобы сходить в город. Так он все время и ходил туда, а потом обратно. Потому что Резникова звонила журналистам, что-то выясняла, давала инструкции или делилась какой-то важной информацией, которую надо было передать обратно в лагерь. Она кормила

его своим извечным, но очень вкусным овощным рагу, потом он шел обратно до лагеря. Один раз, вернувшись, он выяснял вдруг, что стряслось еще что-то и надо снова идти к Резниковой. И тогда Стас вздохнул... Он совершил четыре конца за тот день, всего 60 км.

После нападения ОМОНовцев он уже сторонился дороги, шел полями и перелесками, что делало его путь еще труднее.

Человек, который мог бы сказать: «Ребята, я устал. Я два раза за день ходил. Кто-нибудь еще ходите, пожалуйста» – наоборот, говорил: «Нет-нет, я все равно быстрее всех доберусь. Я сейчас снова пойду». В нем была эта готовность всегда служить общим интересам, вкладываться в это по полной, идти пусть не на жертвы, но на явное ущемление личного комфорта.

Юрист

Человек, который вел огромное количество дел, он в то же время никогда не отказывал в бесплатных консультациях активистам. Я помню, как приехала антифашистка с юга России, из провинции. Там был у них какой-то судебный процесс или еще какой-то напярк с ДПНИ (Движение против нелегальной иммиграции). И Стас начал сперва разбирать это частное дело, а потом сказал, посмотрев на меня: «Так, здесь присутствуют журналисты. Давайте свои тетрадки открывайте, я вам сейчас лекцию прочту о том, как вообще надо себя вести, если что-то случилось. Милиция, ДПНИшники или кто-то вас обвиняет. Вас хватают – что делать?» Далее он час целый нам рассказывал, что делать, – и мы это конспектировали.

И я знаю, что подобные лекции он произносил не раз и не два. И не в одном городе, и не в двух, а очень много где. И ни разу этим не гнушался.

Антифашист, активист

Если кто видел «Красную книгу антифа», там фамилия автора не указана, но каждому, кто более или менее знал Стаса и читал эту книгу, авторство было понятно без каких-либо сомнений. По размеру это небольшая брошюра, она в сети где-то висит, а в 2008-м была издана на бумаге. Это была попытка теоретического осмысления движения антифа, написанная простым языком, понятным любым участникам движения, даже школьникам. Или даже тем, кто не окончил школы по причине социального неблагополучия. Эту книжку, теперь уже можно об этом сказать, конечно, тоже написал Стас. И сам же ее издал.

Он всегда так хитро улыбался, передавая ее ребятам целыми пачками, и говорил: «Ну, я не знаю, где она берется. Ее где-то раздают. Вот у меня она тоже есть. Я тут как-то шел и взял». Мы, кто знал этого человека много лет, привыкли к его шутовскому строю речи, к тому, как он изъясняется почти всегда с улыбкой, со смехом, – для нас это «шел-взял» было совершенно прозрачно. Авторство очевидно: местами «Книга...» текстуально совпадает с его статьями.

Когда Стас стал уже практикующим адвокатом, то он старался избегать подписей под своими статьями. Как-то во второй половине 90-х в анархистском журнале «Наперекор»

напечатали его статью про Беларусь, про выступления оппозиции. И Стас тогда ругался, что редакция оставила его фамилию. Говорил, что это ему будет мешать защищать людей, мешать делать его главную работу. Проблема анонимности публикаций для него была существенна.

Стас не был просто адвокатом. Он и сам был зачастую участником тех разных общественных движений, других участников которых он защищал. Конечно, он был глубоко идейным человеком, он придерживался левых взглядов, он был вегетарианцем.

«Догматических» разговоров я со Стасом не вел, наверное, никогда. Его личность не располагала к таким разговорам, выяснению, насколько он левый, какой именно левый и т.д. И подход его, и тематика разговоров – в общем, все, что от него исходило, итак об этом явно говорило.

Последняя встреча со Стасом была у меня тогда же, когда и у Утэ Вайнманн, в декабре, на политическом фестивале «Антикап-2008». Мы махнули друг другу, пожали руки, о чем-то коротко перемолвились. Он уже уходил после секции антифа, я только пришел и сразу должен был вести – как раз вместе с Настей Бабуровой – секцию «Медиа», к ведению которой, мягко говоря, готов был не очень. Я нервничал, Стас торопился. Стоя у столика с брошюрами, книгами и активистской прессой, он сразу показал мне на очередную «где-то найденную» стопку «Красной книги антифа» и лукаво улыбнулся: «Вот видишь? Лежит. Я же тебе говорил, что она лежит в каких-то местах, то там, то здесь. Вот и здесь тоже лежит».

Настя

С Настей мы были знакомы полтора года: с лета 2007-го. Я читал тогда свою очередную квази-лекцию для активистов по истории общественного движения. Это бывало когда где, когда в чьем-то офисе, когда в столовой, а в тот раз пришло 35 человек. В офисе МХГ, который нам был обещан, помещалось 15 человек в зале или 20, если девочек посадить на колени к мальчикам или к другим девочкам, и 25, если некоторых посадить на стол. В общем, 35 никак не помещалось, и мы пошли на бульвар, благо было тепло. Я сорвал себе голос за три часа непрерывного говорения.

На лекции впервые была Настя, которая выделялась высоким ростом и вообще как-то очень прямо держалась. Перед началом она ко мне подошла... Ну, мероприятие это очень неформальное было. А она мне почти официально представилась, сказала, что она подруга известного мне Саши с журфака, спросила, можно ли ей послушать. Я удивился: никто же мне не представлялся, а она сочла это важным.

– Я журналистка, – добавила она. – Но это неважно. Я не потому пришла, что я журналистка.

По-моему, она несколько стеснялась этих «Известий», этого экономического отдела.

Дальше я стал эту девушку замечать на разных собраниях и общественных тусовках все чаще. С весны 2008 года мы с ней почти что подружились. Тогда как раз была эта демонстрация на Тверской против милицейского беспредела. 18 апреля мы перекрыли

движение и прошли от Пушкинской площади до метро «Белорусская», где все успешно спустились в метро. Через пять минут приехал ОМОН, а никого нет. Она там тоже шла в этой демонстрации. Я ее увидел и спрашиваю:

- Ты что, выбежала из редакции посмотреть, что ли? (редакция «Известий» находится на Пушкинской площади).

- Нет, ну ты что! Я тут вообще не как журналист. Я участвую.

Потом было 1 мая в Сокольниках. Настя там была раскрашена в клоуна и играла на дудочке. Это была такая спокойная вечерняя маевка, релаксация и afterparty после двух утренних демонстраций. Вечером в 6 часов все собрались у фонтана в Сокольниках, в парке. Там был, что называется, sit-in или be-in даже. То есть мы сидели, лежали на траве, тусовались, ходили. Пили... квас. Действительно квас! ФНБшники («Еда вместо бомб») привезли пару сорокалитровых бидонов кваса. Не покупного, конечно, они сами его сделали, сквасили из подручного хлеба, каких-то фруктов, изюма. Еще там раздавали вегетарианскую еду. Настя в костюме клоуна ходила и играла. А потом уехала с группой велосипедистов отвозить реквизит, костюмы. Был один свободный велик, Настя предложила его мне, но я устал и, хотя компания была что надо, решил, что как-нибудь в другой раз с ними покатаюсь. Но это не вышло.

Я – известное всем в движении лицо без профессии, имею склонность выпускать какой-то бумажный и электронный самиздат или мутить еще какие-то проекты типа тех же лекций и семинаров. В одно рыло, мне честно говоря, скучновато это делать. Быстро надоедает, поэтому я все время ищу себе компанию. В 2008-м настал момент и к Насте подкатывать, и к некоторым другим московским анархожурналистам. Все же заняты – время такое, и город такой, да и вообще жизнь безумная, у всех свои проекты. Но Настя сразу согласилась. Она ответила: «Да-да-да! Как только у тебя все будет на мази, я и репортажей напишу, и могу тебе все сверстать, сделать макет полностью».

Мне она так ничего не сверстала, не успела – я слишком тормознутый, но в «Автономе», вышедшем через пару дней после их со Стасом гибели, как раз ее верстка и несколько ее статей. Они подписаны: Skat.

Мне кажется, она ничего не боялась вообще. Людям изначально ведь свойственен страх нового, страх непривычных обстоятельств. И потом, когда его вроде победишь, он, бывает, возвращается. Но она точно сознательно его изживала. Она старалась как-то соответствовать вызовам времени, места, обстоятельств. Я не слышал ее доклада на «Прямухинских чтениях», потому что, нервно курил, пытаюсь решить, буду ли я сам докладывать. Пока я на крылечке это решал, она свой доклад как раз прочитала. Не знаю, был ли он хорош; не думаю, что он был особо научен – все-таки она не историк. Но тот факт, что она решила не просто поехать на халявном автобусе вместе с учеными на конференцию, а потом закосить и все время провести на речке или в парке, или тихо выпивая в сторонке... Она слушала все доклады, что-то записывала себе в тетрадку, и сама выступала. Это ее такое стремление вникнуть, его непременно надо отметить.

Заметна была ее любовь к японской культуре. Не только стихи ее были в японском стиле, но даже внешность – то, как она себе брови выщипывала одно время и старалась, чтобы лицо ее приобрело более азиатский вид. А ведь на фотографиях времен Крыма ничего такого нет. Причины? Ну, я, в общем, в душу к ней не лез, а сама она была хоть и очень общительной, очень живой, хоть и легко шла на контакт, но... Было понятно, что у нее богатый внутренний мир, который она не стремится первому встречному сразу же изложить. Панибратства в духе плацкартного вагона «после первой выпитой» там не было.

Говорят о том, что в 2008 году она всерьез начала собирать информацию о фашистах. Не знаю наверняка, но думаю, что так и было. Обратите внимание на тематику ее последних статей в «Новой газете». Известно, что Настя даже дралась с фашистами. Как говорят в молодежной неформальной среде, «гоняла за антифа». Совершенно естественно и то, что она собиралась проводить какие-то расследования. Так что случайной жертвой никак ее нельзя назвать. Она совершенно не случайно оказалась рядом с Маркеловым и, конечно, совершенно не по тем причинам, которые пыталась озвучить одна совершенно неприличная газета с Пушкинской площади. А по причинам вполне политическим и связанным с общественной борьбой, с ее пониманием журналистской профессии.

Что довольно редко происходит, и что произошло как раз с Настей, это когда журналист переходит какую-то черту и становится не совсем уже журналистом. В свое время Степанов, в 94-м году работавший ответсекком «Новой газеты», тогда еще «Новой ежедневной», говорил мне: «Тупикин, мне непонятно, ты вообще агент “Новой газеты” в общественном движении или агент общественного движения в “Новой газете”»? Я его успокаивал тогда, потому что даже когда пишешь о ком-то с любовью и о ком-то с ненавистью, врать при этом все равно неинтересно и потому вроде не так важно, что ты занимаешь чью-то сторону. Но вообще он тогда верно ухватил проблему, верно догадался: я, конечно, играл за общественное движение. Так вот, Настя, по-моему, также знала, на чьей она стороне, и, в общем, свою работу журналиста она воспринимала именно в этом контексте. Понимала, что, кому многое дано, с того много и спросится, понимала, что дано ей много и что нужно отвечать по-серьезному.

Одним словом, этой некоторой несерьезности, что свойственна мне, как старому панку, в ней совершенно не было. Она была хотя и веселым, но совершенно серьезным человеком. Думаю, она действительно серьезно собиралась заниматься разоблачением нацистов. И наверное, уже начала этим заниматься. А со мной, несерьезным, понятно, не делилась.

Еще она была такой полуночницей и очень работоспособной какой-то. Я помню, однажды (это была середина ноября, уже после нападения на Бекетова) мы с ней говорили полтора часа в чате. Что-то между половиной пятого и шестью утра. Я собирался ложиться, а ей надо было как раз идти на суд. Я как-то постеснялся спросить, зачем, думал – по поводу какой-то очередной акции, на которой Настя попала по административке в милицию. А выяснилось, что это был суд над Тесаком (Марцинкевичем), на который она как журналистка должна была пойти. Потому я и не сразу, а только потом понял контекст ее слов: «Подходил там ко мне один дядечка и говорит: “А вы в «Новую»- то, конечно, напишите, чего уж там взять с «Новой», а вот в ЖЖ – не надо”». То ли ФСБшник это к ней какой-то подходил, то ли, может, других каких спецслужб сотрудник. А не спала она тогда потому, что «Автоном»

верстала.

Настя, будучи серьезной и ответственной, была скромна и проста в общении. Весной 2007-го, еще до личного с ней знакомства, я нашел в сети ее ЖЖ. Дневник у нее был не особо-то популярный, я обратил на него внимание через какие-то перекрестные ссылки, мне показалось, что она умно повела себя в сетевом споре, которым и я интересовался. Полез в ее дневник, посмотрел, он представился мне таким очень личным и немного загадочным, человеку, с ней незнакомому, далеко не все там было понятно. Я нашел какие-то ее стихи, они мне искренне понравились, и я написал ей, что этот твой стих я бы в свой анархистский самиздат хотел бы взять, если ты не против. Она ответила, что, конечно, не против – бери. Но, вообще-то, говорит, это не одно стихотворение, а несколько, это хокку, просто выложены подряд, и они вообще про разное. Спустя несколько месяцев мы с ней познакомились на моей лекции, но она не призналась, что это были ее стихи и ее ЖЖ, я узнал об этом только осенью.

То, что она делала летом 2008-го в Ясном проезде, где она помогала жителям общежития, незаконно выселяемого сотрудниками УФСИН, тоже в обычную журналистику не особо вписывается. Как она залезла в этот заблокированный «силовиками» дом, я вообще не понимаю, по трубе, что ли, в окно, но как-то залезла внутрь. И там внутри она некоторое время продержалась, вела репортажи, вывешивала их в сеть. Там ее в итоге и задержали, вместе с другими людьми она провела сутки в милиции.

Настя вообще впрягалась во всякие «траблы», в проблемы. У меня был один некоммерческий проект, где нужна была техническая, «непочетная» помощь разных людей. Славы на этом уж точно получить было невозможно, а денег – тем более. Но она, похоже, никогда от подобной загрузки не отказывалась и потому сразу «нашлась». Осенью 2008 года она уволилась из «Известий», уже понятно было, что наступает кризис, а она вообще-то не москвичка, ей надо снимать комнату и платить за нее, т.е. надо зарабатывать постоянно. И на всякие не связанные с зарплатой вещи, понятно, меньше времени остается. Я и сам очень сомневался в своем проекте, я понимал, что не только у нее проблемы с деньгами, со временем, я серьезно сомневался в его осуществимости. Но Настя мне сказала: «Нет-нет-нет! Отказаться? Что ты? Я же тебе обещала. Я ведь не дала отбой, значит, так все и будет, я буду тебе помогать обязательно, и обязательно сделаем».

И Маркелов так же себя вел. Такой же алгоритм.

Трудно говорить, но он мне напомнил об одном важном затянутом мною проекте при последней нашей встрече, и с такой тяжелой укоризной, без шутки: «Что же ты, Влад?! Ну, нельзя же так! Ну, ты когда уже обещал...» С моей стороны были повинные слова, я и думать забыл, что Стас может помнить об этом деле, а он вот напомнил мне, как и всегда напоминал. Он всегда все помнил.

30 ноября 2008 года и несколько дней после

В 2008 году 30 ноября выпало на воскресенье. В Москве на Чистых Прудах был заявлен митинг против нападения на общественных активистов (в середине ноября 2008-го было

несколько знаковых нападений одновременно – на журналиста и активиста Михаила Бекетова в Химках, на социологиню и активистку Карин Клеман в Москве, на профсоюзного лидера Алексея Этманова под Питером, плюс нападения на других активистов в Подмосковье и не только, всех случаев я сейчас уже и не упомяну).

На митинге было человек 300 и впервые, кажется, пришли на общий, не-анархистский и не-левацкий митинг многие молодые антифа, помню их транспарант с эмблемой Антифашистского действия, маски эти, ныне столь популярные по гриппозной теме.

Выступали много кто, в том числе и Стас Маркелов. Собирался даже и я взгромоздиться на трибуну (хотя в целом я не митинговый, конечно, оратор, я себя лучше чувствую в аудиториях, покрыть которые голосом можно и без микрофона), но когда услышал речь адвоката Маркелова, подумал: да ну, зачем я буду теперь повторяться, Стас все отлично сказал.

Я дождался окончания митинга. Было холодно, я искал, с кем бы пойти в какой-нибудь кабак, выпить чаю или чего там (тогда я еще пил алкоголь). Подобралась компания, почти случайная, человек десять. Среди них – Стас и Настя. Мы пошли в «Билингву», на второй этаж, на балкончик, сдвинули два стола, стали обсуждать, что заказывать. Ко мне сразу пристали с каким-то вопросом по истории левого движения, я погрузился в объяснения и половину или более общего разговора прослушал. Пока не договорил, прервал процесс вещания я только однажды, когда Настя принесла пару кувшинов пива и сказала, что угощает: у нее день рождения, 25 лет. Это было сюрпризом для всех: никто этого не знал заранее, подарков не приготовил. Я вспомнил тогда свои 25: «Ого, – думаю, – взрослая уже!» Мы, конечно, провозгласили тост за именинницу, поулыбались и погрузились снова в свои разговоры и разговорчики. Стас все время отвлекался: даже сюда, в «Билингву», к нему приходили и приезжали клиенты, он уходил с ними в другой конец заведения, где было тише и не было лишних ушей, разговаривал. Я, наконец, завершил свою мини-лекцию и одним глотком осушил чуть ли не полкружки.

Сидели мы за столом не очень долго, может, часа два. Потом разошлись кто куда. Я пошел на собрание в другой кабак, Настя, кажется, совершенно не захмелевшая (она пила, впрочем, не пиво, а какое-то вино из бокала, может быть, шампанское), поехала куда-то праздновать дальше.

В другой раз мы увиделись с ней 6 декабря в гостиничном комплексе «Измайлово», в одном из цокольных этажей, где проходила разговорная часть фестиваля «Антикапитализм-2008». Мы должны были вместе вести медиа-секцию. Я заявился минут за тридцать до ее начала, увидел Стаса, он поздоровался со мной, не без гордости, широким жестом показал на стопку ризографических брошюр в красных обложках – ту самую «Красную книгу антифа», которую, теперь об этом можно уже говорить, он сам и написал. Я, как всегда, был увлечен какими-то девочками и женщинами, кокетничал, здоровался за руку то с одной, то с другой, так что невеселые вещи о том, что ему снова угрожают нацисты, Стас рассказал в этот вечер не мне, и разговор этот был передан мне только несколько дней спустя, после моего возвращения из Петрозаводска.

Мы вышли с Настей покурить на лестницу и решить, как будем вести секцию медиа. Настя курила не помню какую марку, я чередовал вкусные самокрутки и злые фабричной выделки горькие сигариллы без фильтра (тогда я еще курил).

Мы вроде договорились уже к концу второй, но все же я не выдержал и скрутил себе третью сигарку. Почему-то я нервничал, вроде бы беспричинно.

Когда мы уселись с Настей в так называемом «президиуме» – за стол с торцевой части, лицом к залу, – все пошло не так. Настя спонтанно решила, что наши вводные речи по 10 минут каждому, на которых мы сошлись только что, не нужны, что надо сразу предоставить слово залу. Я был с этим не согласен, мы поругались прямо при всех, в «президиуме», теперь уже больше нервничала Настя: я, в общем, обидел ее.

Как-то секция прошла, мне надо было бежать на поезд, я наскоро попробовал заполировать с Настей конфликт и вроде бы это получилось. Но все равно совесть у меня была нехорошая и потому вопрос о возможном совместном участии в новой анархистской газетке, который мы предварительно обсуждали с ней в октябре или в ноябре, я решил отложить до Нового года, а вернее, до посленовогодней второй половины января.

Так вышло, что эта встреча с Настей была последней. Я много писал в декабре и январе, много разъезжал (в Петрозаводск, в Питер, не помню, может, и куда-то еще), пропустил несколько уличных акций, в которых Настя участвовала. 1 или 2 января она звонила мне, спрашивала, не знаю ли, кому можно прямо сейчас продать одну важную новость. Был Новый год, я даже не спросил, о чем она, дал чей-то телефон и пожелал удачи. И это был последний телефонный разговор с Настей.

19 января 2009-го я был уверен, что увижу ее на Курском вокзале, где анархисты проводили контракцию против антимигрантской акции МГЕРа (Молодая гвардия «Единой России»). «Коммерсантъ» сообщил на другой день, что я был там задержан: неправда, я отличился иным образом – помог спасти из лап МГЕРовцев одну нашу активистку, которую они пытались прямо на перроне похитить. Там были разные наши ребята и девчонки, и около двадцати из них действительно были задержаны милицией, но Настя там не появилась и задержана, соответственно, не была. И репортаж не написала. В этот день она почему-то решила пойти на пресс-конференцию Стаса Маркелова, хотя со многими его делами и так была хорошо знакома, так как готовила подробное интервью с ним для «Новой газеты».

Все знают, что было дальше: с этой пресс-конференции Анастасия Бабурова и Станислав Маркелов не вернулись. Их остановили выстрелами в головы, в упор.

Версия #1

Зверобой создал 16 апреля 2025 03:04:01

Зверобой обновил 16 апреля 2025 03:15:29